

Лекция. Социально-философский анализ раннего социализма.

(19. 12. 2002.)

Ключевые слова: этапы империализма, различие между «революцией» и «победой революции» на примере мирового революционного кризиса начала XX в., причины победы социалистической революции в России, определение раннего социализма, его противоречия в СССР, последствия отчуждения и товарно-денежных отношений при социализме и формирование бюрократии в СССР, альтернативность истории, перспективы мирового революционного процесса.

(Жирным шрифтом выделены моменты лекции, ключевые по мнению расшифровщика лекции с аудиозаписи – Пятакова А.Н. Им же произведено разбиение лекции на смысловые блоки и даны подзаголовки, на основе которых составлен план лекции, научная и литературная редакция осуществлена А.В. Харламенко)

План лекции.

1. Общая периодизация империализма – от формирования монополий до господства транснациональных корпораций (ТНК).
2. Мировой революционный кризис начала XX века как непобедившая мировая революция.
3. Легенда об СССР как «отдельно взятой стране».
4. Понятие слабого звена системы империализма.
5. Определение раннего социализма, его противоречия.
 - а) Машинное производство как адекватная основа и капитализма, и раннего социализма.
 - б) Объективная обусловленность формирования бюрократии в СССР в связи с затуханием политической активности масс трудящихся.
 - в) Последствия товарно-денежных отношений при раннем социализме.
 - г) Альтернативные возможности развития раннего социализма в СССР.
6. Перспективы мирового революционного процесса в современных условиях.

1. Общая периодизация империализма – от формирования монополий до господства транснациональных корпораций (ТНК).

Капитализм представляет собой мировую систему. В эпоху империализма это видно даже не на уровне сущности, а уже на уровне бытия – непосредственной очевидности.

Будучи высшей и последней стадией капитализма, империализм в свою очередь подразделяется на три этапа внутри себя. Это, во-первых, империализм монополий – тот, который описывал и анализировал Ленин, во-вторых, государственно-монополистический капитализм и, в-третьих, нынешний империализм ТНК.

Глобальность империализма, да уже и доимпериалистического капитализма, его всеохватывающая всемирная природа заставляет нас задуматься: как с этим быть?

Собственно говоря, мы с вами уже выяснили: кризис данной формации наступает тогда, когда созревают ее внутренние противоречия; когда производительные силы (далее – ПС) перерастают производственные отношения (далее – ПО); когда старые ПО становятся уже не адекватной формой развития ПС, а их тормозом. Вопрос этот не очень простой, потому что, вообще говоря, **далеко не всегда кризис ПС и ПО может быть преодолен только переходом к новой формации.** Бывает очень часто и так, что складываются предпосылки и для перехода к новой формации в ее ранней форме, и для перехода к новой организации ПО в рамках старой формации.

Мы видим, что после кризиса рубежа 19-20 веков в рамках капитализма возникает новое производственное отношение. Какое? Монополия – вот новое производственное отношение, которое в значительной мере помогает капитализму преодолеть кризис.

Мы видим, что после большого мирового кризиса 1928-29 годов – сначала аграрного кризиса 1928 г., а потом и общего кризиса 1929 года, за которым последовала «великая депрессия» 30-х гг. – в рамках уже монополистического капитализма опять возникает новое производственное отношение – государственное регулирование экономики, который помогает преодолеть кризис в рамках государственно-монополистического капитализма (ГМК).

Мы видим, что после кризиса 80-х годов, а может быть даже и раньше, опять возникает и развивается новое производственное отношение капитализма – это ТНК, которые берут на себя функции регулирования экономики в масштабах более крупных, чем национально-государственные, – в тенденции уже в глобальных масштабах.

Говорить об отказе от государственного регулирования «рынка» – просто невежество. Еще лет 30-40 назад Дж. Гэлбрейт сказал, что если в наше время рассуждают о «свободном рынке» – это уже клинический случай. Теперь это уже должно было бы быть очевидно всем.

Классическая марксистская схема – конфликт ПС и ПО – требует уточнений. **Этот конфликт создает ВОЗМОЖНОСТЬ перехода к новой формации, но совершенно не обязательно она должна реализоваться на все 100%**, ее реализация зависит от очень многих факторов.

2. Мировой революционный кризис начала XX века как непобедившая мировая революция.

Есть такая точка зрения, что Ленин, понимаете ли, сделал революцию «не по Марксу», эта фраза уже приобрела прочность предрассудка. Так вот, это – глупость вдвойне.

Во-первых, революцию не делают никакие вожди, пусть даже такие великие, как Ленин. Ее причины формируются в обществе объективно и не зависят ни от чьей воли и желания. Делают ее народные массы, а **ВОЖДЬ может только возглавить их движение, если оно складывается.** Если

этого движения нет, то вождь останется в потенциале, и мы о нем даже ничего не услышим.

Во-вторых, революция была «сделана» как раз по Марксу. Просто люди, которые говорят обратное, не хотят вдумываться в то, что он на самом деле говорил и писал.

Классики говорили, что революция может произойти в группе наиболее развитых капиталистических стран. То, что революция произошла не там, считается опровержением воззрения Маркса и Энгельса. Но, простите меня, во-первых, революция все-таки произошла и ТАМ тоже. У нас почему-то очень часто путают революцию с победой революции. **Одно дело – революция произошла, возникла, а другое – победила.** Это не одно и то же.

Европейский революционный процесс действительно начался в 1916 году. Помните, у Маяковского:

Где глас людей обрывается куцый,
Главой голодных орд,
В терновом венце революций
Грядет шестнадцатый год.

Он правильно писал, хотя не было еще ни шестнадцатого года, ни революции. Началась эта революционная волна почти в самом центре тогдашних империалистических метрополий, это было Дублинское восстание 1916 года, потом эти революционные события распространяются по всей Европе, распадается Российская империя, за ней Австро-Венгерская и Османская империи, происходит пролетарская революция в Германии, создаются советские республики в Финляндии, Венгрии, Словакии, Баварии. Революционные события происходят в Болгарии, Югославии, Албании, Ирландии. Другие страны Европы почти все переживают революционную ситуацию, буквально на грани революции. И все это в результате движения народных масс.

Из всех европейских стран не охваченной революционным движением остается одна Франция, да и то только потому, что она оказывается победи-

тельницей в Первой мировой войне и угар победы как-то сбивает движение протеста, хотя нельзя сказать, что там не было массовых стачек, митингов, демонстраций и т. д.

Между прочим, революция охватывает страны Нового света. Наиболее известна Мексиканская революция, которую принято датировать 1910-1917 гг., на самом деле она началась раньше и завершилась позже, а своей вершины достигла в 1914-15 гг. (даже не в 1916-м). В начале 20-х гг. в штате Юкатан даже была провозглашена советская республика. Революционные выступления охватили и другие страны Латинской Америки: Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Чили, Перу, Эквадор, Гватемалу, Гаити. В США действовало очень боевое движение «Индустриальные рабочие мира», связанное с Мексиканской революцией; только в 1920 году это движение было буквально потоплено в крови. Без всякого преувеличения революция была мировой.

Другое дело, что эти советские республики – и финляндская, и венгерская, и словацкая, и баварская (которую правильнее назвать Мюнхенской коммуной, потому что все было сосредоточено в одном Мюнхене), и ряд других – просуществовали недолго. В ряде стран Европы – Польше, Чехии, Словакии, Румынии, Прибалтике – буржуазии удалось перехватить инициативу у трудящихся, даже направить их под националистическими лозунгами на подавление революций в соседних странах.

Революционная волна из Европы покатила в Азию и Северную Африку, затронув не только Кавказ и Среднюю Азию, но и Монголию, Китай, Японию, Индию, Иран, Турцию, Ирак, Сирию, Египет, Ливию, Марокко.

Слушатель: Там другие формы были, там была буржуазная революция.

Е. Н. Х. : Да нет, там была не только буржуазная революция, там были самые разные формы. Где-то мировая революция действительно носила буржуазно-демократический характер, но уже не тот, какой мог быть в 19 веке: там были какие-то буржуазные задачи, но на первом плане стояли

задачи антиимпериалистические. Основными движущими силами и основным организатором революции были трудящиеся массы, а никак не буржуазия.

Таким образом, оказывается несостоятельным еще один стереотип: «большевики рассчитывали на мировую революцию, а ее не произошло». На самом деле **мировая революция произошла, она просто не победила как мировая**. Да, не победила. Но кто же может дать гарантию победы революции? Такого не бывает: она может победить, а может и быть разгромлена. Но даже потерпев поражение, мировая революция не дала империализму задушить Советскую Россию, как говорил Черчилль, «в колыбели».

3. Легенда об СССР как «отдельно взятой стране».

Революция победила, мы с вами привычно говорим «в одной стране», но, простите меня, **разве Российская империя – это одна страна?** Вот сейчас мы с вами воочию видим, сколько это стран на самом деле. Это громадный регион, который включал 15 республик СССР, плюс еще Финляндию, Центральную Польшу. А между прочим, и сама Россия в теперешнем понимании, РФ, – это громадный регион, который охватывает приличную часть Европы и огромную часть Азии. Это огромный регион, где живет много народов, с разным культурным развитием, с разными экономическими укладами, с разной спецификой языка, религии и чего угодно. Утверждать, что Октябрьская революция победила в одной стране, я бы сказала, весьма странно. Она победила в огромном регионе на 1/6 части суши – фактически это целый субконтинент Евразии, некоторые континенты меньше. Разве это одна страна, сопоставимая с Францией, Германией, Англией, Бельгией, Люксембургом, Республикой Сан-Марино?

Слушатель: А США – это одна страна?

Е. Н. Х. : США – это не целостная страна, это просто одна большая территория, где нации в смысле Старого Света не было никогда. Сейчас это

особенно заметно. Китай – это тоже, кстати, не одна страна, а об Индии и говорить нечего, это тоже целые регионы-субконтиненты.

4. Понятие слабого звена системы империализма

Вопрос надо ставить не так – «почему революция произошла у нас», в нашей стране, – а иначе: «почему она ПОБЕДИЛА в нашей стране»? Произошла она почти по всему миру, почему у нас социалистическая революция победила?

Слушатель: Было слабое звено.

Е. Н. Х. : Да. Но что это значит? То, о чем мы говорили на предыдущих занятиях. Цепь империализма – это не просто образное выражение, это обозначение той самой метропольно-зависимой системы отношений, которая охватывала практически весь мир.

Во времена Маркса и Энгельса система капитализма *непосредственно* охватывала на самом деле только Европу и часть Америки; даже Латинская Америка, а Азия и подавно, были включены в нее лишь опосредованно, через «превращенные формы» капитала, а адекватная основа капитализма – эксплуатация наемного труда – там была еще слабо развита. Поэтому тогда слабым звеном могли оказаться наиболее продвинутые страны-метрополии и соседние с ними среднеразвитые страны, какой была в то время Германия. Но по ряду причин тогда пролетарской революции в Европе не произошло.

Когда же страны-метрополии, включая Германию, продвинулись дальше и стали уже *империалистическими* метрополиями – тогда слабым звеном оказались страны ближней периферии, страны среднего уровня развития. Не случайно победой ознаменовались революции в России и Мексике (там, правда, неполной), то есть в странах среднего уровня развития.

Для победы социалистической революции необходимы предпосылки на уровне ПС, то есть системы взаимодействия человека и природы. Для этого необходимо машинное производство, до этого не может быть рабочего класса, да и развитого пролетариата вообще, в виде достаточного количества и «качества» работников наемного труда.

Но, с другой стороны, империалистические метрополии, вырвавшись вперед, превратились в мировых эксплуататоров. Это значит, что они эксплуатировали рабочую силу и природные ресурсы не только своих территорий, но и всего мира. Всего мира – это значит, что они наращивают свою мощь за счет как ближней, так и дальней периферии, и, следовательно, имеют дополнительные возможности для преодоления кризисов, для перехода на новую ступень развития внутри самого капитализма.

Страны дальней периферии, страны низшего уровня развития капитализма, еще не доросли до победы социалистической революции. А те революции, для которых там уже созрели предпосылки, империалистические державы могут подавлять, пользуясь своим экономическим и военным превосходством. Поэтому страны-метрополии имеют дополнительные ресурсы со всего мира, чтобы преодолевать свои якобы внутренние кризисы, а на самом деле проявления *мировых* кризисов. В том числе они имеют возможность подкармливать своих трудящихся за счет трудящихся других стран, в чем-то ослаблять эксплуатацию пролетариата в странах-метрополиях благодаря сверхэксплуатации трудящихся в странах периферии.

Поэтому действительно слабым звеном оказываются страны со средним уровнем развития, в которых, с одной стороны, уже сложилась некоторая потенциальная материально-техническая и социальная база социализма, а с другой – нет привилегированных возможностей разрешения внутреннего кризиса. Так же, как это было при Марксе и Энгельсе в тогдашних странах-метрополиях.

Тут вот еще что надо отметить: те страны, которые в результате развития империализма оказались в положении периферии, уже практически потеряли все шансы прорваться в число метрополий. Почему? Именно потому, что чем дальше развивается капитализм, тем больше эти страны вынуждены оплачивать чужое развитие. Все больше сил и ресурсов тратится не на их развитие – России, Мексики, Бразилии, Индии, Китая, – а на развитие метрополий – Англии, Франции, Германии, США и т. д.

Поэтому надо быть чрезвычайно наивным человеком, чтобы утверждать: «когда бы, дескать, мы, то есть Российская империя, достигли уровня развития Франции, Англии, Германии, вот тогда бы мы сделали «правильную» социалистическую революцию». **Мы не достигли бы этого уровня.** Точно так же, как этого уровня развития не достигли бы те же Мексика и Бразилия, которые находились примерно на таком же уровне развития, как и Россия, точнее Центральная Россия. **Никогда не достигли бы.** Сам по себе этот уровень развития относителен. Примерно то, что было при Марксе во Франции и Германии, при Ленине было в Европейской России. Поэтому для того, что бы революция не просто произошла, но победила, – наибольшие шансы были у России.

5. Определение раннего социализма, его противоречия.

а. Машинное производство как адекватная основа и капитализма, и раннего социализма.

Но тут крылась тоже очень серьезная опасность. Дело в том, что машинное производство как система ПС выступает адекватным базисом капитализма. В том-то и дело, что она может выступить **адекватным базисом как зрелого капитализма, так и раннего социализма.** Поэтому тут складывается очень сложная и трудная ситуация. С одной стороны, предпосылки уже есть, а с другой – они могут работать не только на социализм, но и на капитализм. Что мы сейчас и видим. Созданная при социализме материально-техническая база вполне успешно используется сейчас в

условиях периферийно-зависимого капитализма. Правда, степень адекватности разная: социалистическое использование эту базу развивало, а капиталистическое подрывает и постепенно разрушает. Но в целом **то, что служит условием победы социалистической революции, может оказаться условием и контрреволюции.**

То есть, уровень развития, который служит предпосылкой раннего социализма, одновременно является предпосылкой развитого капитализма. Поэтому сам по себе уровень развития ПС **ничего не гарантирует**, а только **открывает возможность**. На нем могут вырасти ПО развитого капитализма и ПО раннего социализма.

Что я имею в виду под *ранним социализмом*? **Это социализм, развивающийся не совсем на своей основе.** Или даже совсем не на своей основе – смотря по конкретной ситуации. И поэтому здесь возникают всякие нехорошие вещи. Это как раз то, что в последнее время анализирует наш шеф (*речь идет об интервью В. А. Вазюлина, опубликованном во втором сборнике Международной логико-исторической школы – прим. Пятаков А.*).

С одной стороны, для развития социализма необходимо дальнейшее развитие производства, всех отраслей народного хозяйства и вообще всего – здравоохранения, образования и т. д.

С другой – оказывается, что в обществе все-таки господствует тот самый «нехороший» тип труда, который мы с вами анализировали вслед за Марксом. Абсолютное большинство граждан этого общества заняты машинным, механическим, обезличивающим, отчуждающим трудом.

Такой характер труда преобладает не только на производстве. Возьмите труд мелкого чиновника, который сидит и всякие справки выдает; труд продавца, который день за днем отвешивает полкило колбасы, – это очень творческий труд?

Слушатель: Обвесить может.

Е. Н. Х. : Но это тоже не бог весть какое творчество. И вообще преобладающее количество рабочих мест с таким трудом, который отчуждает личность, а не развивает ее.

И это еще в лучшем случае. В дореволюционной России и в СССР 20-х гг. большинство составляли крестьяне, которые были заняты даже еще не машинным, а ручным трудом. В этом крылась еще одна опасность, потому что надо было сделать так, чтобы в рекордно короткие сроки большинство граждан стали заняты трудом машинным: без этого даже раннего социализма не получится, и хуже того – страна утратит независимость и будет уже навсегда отброшена с ближней периферии на дальнюю.

Но переброска огромных масс людей сразу из деревенской, в значительной мере традиционной и почти протоклассовой, среды в современную городскую, эти адекватные капитализму процессы урбанизации, сами по себе опасны и кризисны. В этом таится дополнительная опасность.

б) Затухание политической активности как объективная причина формирования бюрократии.

Наблюдается такая странная на первый взгляд картина. **Массы во время революции приходят в активное движение** – политическое, социальное, культурное, какое угодно. Люди сами, «снизу», создают Советы, самые разные общественные организации, общества ликвидации безграмотности, культурно-просветительские организации – «Знание», «Долой неграмотность». Самые разнообразные формы деятельности на местах – женсоветы, молодежные клубы ДОСААФ. В общем, разворачивается бурная общественная и политическая активность народа на этой волне революции. А потом эта **массовая активность вместо того, чтобы развиваться, начинает потихоньку затухать.**

Это затухание я наблюдала ребенком: как те же женсоветы превращались в совершенно формальные объединения, а потом совсем исчезали.

Чисто формальной становилась работа обществ по охране природы: все сводилось к собиранию взносов, и бог знает, на что они собирались – скорее всего, на содержание аппарата. Советы теряли свой характер народной власти и все больше приближались к буржуазному парламенту.

Кстати, «сталинская» конституция 1936 года – кстати, непонятно, почему «сталинская», скорее бухаринская, – которая встретила одобрение во всех западных демократиях, фактически превратила Советы именно в разновидность буржуазного парламента. Строго говоря, уже с 1936 года мы жили не при Советской власти, а при каких-то жалких ее остатках, которые в 1993 году успешно ликвидировали.

Политическая и прочие виды активности масс отчасти компенсировали отчужденный характер труда. Почему же это перестает работать? Вероятно, потому, что **революционный порыв уже угасает, а сам характер ПС не дает подпитки этой активности.** С одной стороны, сохраняется отчуждение человеческой личности в процессе труда, с другой – в сфере ПО сохраняются товарно-денежные отношения (ТДО).

в). Последствия товарно-денежных отношений при раннем социализме.

ТДО при социализме сохраняются, на этой стадии развития общественного производства и общества в целом они не могут не сохраняться, но ведь **ТДО – это адекватная характеристика капитализма.** Они существовали и при рабовладении и при феодализме, но характерны именно для капитализма. Это значит, что не только система ПС раннего социализма противоречива, но и система ПО тоже.

С одной стороны мы имеем новое производственное отношение – общественную собственность: **не монополию, но общественную собственность целого народа,** собственность не сообщества капиталистов-олигархов, а народа. С другой – при этой общественной собственности все-таки сохраняются ТДО. А к чему они ведут? Вы это знаете: человек еще

больше отчуждается как личность и стремится компенсировать свое отчуждение уже не активной общественной деятельностью, а тем, что адекватно ТДО.

Какая компенсация адекватна ТДО для рядовых граждан? Потребление, особенно престижное. Поэтому все больше и больше общественная активность как компенсация отчуждения труда вытесняется потреблением как его компенсацией. Это естественно. Что еще остается человеку, который по восемь часов в день занят ковырянием у своего станка, стола или прилавка? У станка он все-таки делает что-то конкретное, у него есть ощущение мастера, производительного работника; а каковы ощущения продавца, который нарезал колбасу и взвесил, нарезал сыр и взвесил – он же ничего не делает, ничего не создает? Что создает чиновник – бумажки? Вся его личность начинает устремляться на свои личные мелкие выгоды.

Кстати, у рабочего – даже если он не участвует в осознанном создании целого, в руководстве цехом, чем-то еще, – в довоенное время это все-таки компенсировалось общественной деятельностью на производстве, потом это тоже ушло. И тогда человек тоже становится больше озабочен личными интересами, у него нет или их недостаточно моральных стимулов в труде и начинают действовать материальные стимулы, которые адекватны ТДО, но **они точно так же адекватны обеднению личности человека.**

Но должен же существовать общий интерес. Кто-то же должен заботиться об общем интересе. И эта забота об общем интересе достается на долю той группы разделения труда, которая профессионально занята в **управлении общими делами, – управленцам.** И первоначально, в после-революционный, довоенный и военный период, это управление оказывается адекватным: действительно, управленцы в своей частной деятельности достаточно адекватно представляют общий интерес.

Но по мере того, как революционный подъем угасает, на первый план выходит не представление ОБЩИХ интересов в частной деятельности, а то,

что общие интересы представлены в ЧАСТНОЙ деятельности. То есть частная деятельность все больше побеждает общие интересы. Вот так и складывается бюрократия. **Бюрократия всегда формируется и усиливает свое влияние при затухании политической, общественной и всякой прочей активности масс.**

Что такое бюрократия вообще, и в данном случае советская бюрократия?

Бюрократия – это такой тип профессиональных управленцев, который, монопольно представляя общие интересы, отчуждается от общества и превращает общий интерес в свой частный. И чем дальше, тем больше она преследует не общий, а свой частный интерес. **Общий интерес оказывается псевдообщим.** Он куда-то растворяется, исчезает, и в результате мы получаем сначала Хрущева, потом Брежнева и наконец Горбачева.

г) Возможные альтернативные пути прогрессивного развития раннего социализма в СССР.

Альтернатива, конечно, была. С одной стороны, ею могло бы стать преодоление отчуждения управленцев от общества в целом, но для этого нужен очень высокий уровень самих управленцев и народа, который мог бы их контролировать. Здесь мы опять оказываемся в той же самой ситуации – как контролировать общественные дела тем людям, которые не озабочены общими интересами, а сосредоточены на частных интересах?

С другой стороны, альтернативой было бы преодоление отчуждения в широком масштабе, то есть массовое создание таких рабочих мест, на которых бы не происходило отчуждение человеческой личности.

Это очень узкая дорожка, которая и с начала раннего социализма не очень широкая, а потом все сужается и сужается. Можно было по ней прой-

ти? В принципе можно. Шансы были. Но больше шансов было на то, что мы имеем сейчас...

Я не думаю, что мы были фатально обречены на контрреволюцию. Я вообще не думаю, что в истории есть фатальная обреченность. Известная фраза: «в истории нет сослагательно наклонения» – мне кажется довольно нелепой. **У истории нет сослагательного наклонения, когда она уже произошла, а когда она происходит – есть.**

Пока человечество еще не вышло из своей «предыстории», в том числе и при раннем социализме, периоды эволюции сменяются периодами революций или контрреволюций, то есть периоды постепенного развития общества, когда альтернативы действительно нет, сменяются периодами, когда альтернатива появляется. Всякая революционная ситуация есть в то же время ситуация контрреволюционная, и заранее не известно, как эта альтернатива разрешится.

Глядя на то, что происходит в капиталистическом мире и у нас в стране, невольно думаешь, что речь шла, наверное, не о десятилетиях, а о годах. Кажется, буквально еще три, четыре года – и мы бы вышли из кризиса. И когда видишь каждое новое подтверждение этой гипотезе, до того обидно становится, что вы себе представить не можете.

Слушатель: Враг не дремал.

Е.Н.Х.: Да, конечно, субъективный фактор тоже имеет место. Классовые враги поэтому и активизировали свои действия, что они чувствовали то же самое. И, действительно, империализм к концу 80-х гг. охватил такой системный кризис, из которого он бы уже не выбрался, если бы не пал СССР. Скорее всего, революционный подъем охватил бы, да и на самом деле уже охватывал, без всякого «бы», такие среднеразвитые «субцентры» мировой капиталистической системы, как Мексика, Бразилия, Аргентина, Чили, Венесуэла, Колумбия, ЮАР, Турция, Южная Корея, Филиппины. Пик революционной ситуации во всех этих странах пришелся на конец 80-х – начало 90-х годов. И если бы СССР существовал, что исход этого кризиса был бы

совершенно иной. **Это был тот самый момент исторической альтернативы**, когда было достаточно просто не дергаться.

6. Перспективы мирового революционного кризиса в современной ситуации.

Слушатель: А сейчас как вы считаете: развитые страны стоят на пороге нового кризиса или выходят из старого?

Е.Н.Х.: Нет, это еще не тот кризис, который откроет революционную альтернативу. По-моему, это еще не тот кризис. Есть кризисы и кризисы. **Этот еще не будет угрожать основам империализма. Такого кризиса, который будет им угрожать, нам все-таки, увы, придется подождать.**

Слушатель: Но впереди подъем капитализма?

Е.Н.Х.: Я думаю, что вряд ли. Подъема в классическом виде, какие были раньше, больше уже не будет. Теперь подъемы, или скорее периоды частичной стабилизации, будут выглядеть совершенно иначе.

Слушатель: Как в США.

Е.Н.Х.: Соединенные Штаты в прежнем виде, я думаю, уже не существуют. Теперь просто существует место, куда капиталисты со всего мира съезжаются как в свою резиденцию, место, где печатается резервная валюта всего капиталистического мира, где сосредоточен его общий военнo-жандармский кулак. Это место по традиции еще называют Соединенными штатами, но государства, хотя бы похожего на национальное, там уже не существует. Экономика уже стала транснациональной, и политическая система тоже перестраивается на транснациональный лад.

Слушатель: Позвольте с вами не согласиться. Экономика Америки уже давно не может подняться.

Е.Н.Х.: Отдельной экономики «Америки», точнее США, уже давно не существует. Вся мировая экономика теряет национальный характер, становится интернациональной, да и доллар перестает быть мировой резервной валютой, скорее всего, будут созданы несколько таких мировых валют.

Может быть, доллар останется региональной валютой Нового Света, евро – Европы, йена с юанем станут валютой Азии.